

Охота на сѣверномъ Кавказѣ.

Посвящается Н. С. Н.

I.

— Что за гадость эти зимы! говоритъ заядлый охотникъ, Саратовской губерніи, Григорій Петровичъ Атлетовъ. — Что мы сурки, что-ли? Тѣмъ какъ ни вольно дышется лѣтомъ, а пришла зима — бракъ на шесть мѣсяцевъ въ спячку. А мы, люди, спячкѣ не подвержены, но дѣлаемъ хуже того: живешь охотой, все сердце полагаешь въ охоту, а зима пришла — спокойно складываешь оружіе: двухстволку на гвоздикъ, собакъ въ лежку; ноги въ туфли — и сиди передъ каминомъ, да прислушивайся къ вою бури. Эдакъ дойдешь, Богъ знаетъ до чего...

Долго, долго, лѣтъ двѣнадцать, ворчалъ такимъ образомъ Атлетовъ, наконецъ не выдержалъ: приказалъ укладываться, отобралъ лучший смычекъ гончихъ, и махнулъ на Кавказъ со всей семьей.

Дѣло было зимой, въ декабрѣ мѣсяцѣ. Снѣгу навалило по поясъ. Двое сутокъ тащились до желѣзной дороги: нѣтъ возможности ни разѣхаться съ встрѣчнымъ обозомъ, ни обогнать впереди танущіеся воза съ углемъ. Отѣхавъ отъ дому какихъ-нибудь 16—17 верстъ, пришлось ночевать на постояломъ дворѣ. Изъ радушнаго сосѣдняго помѣщичьяго дома прислали сѣстного дѣтямъ. Мужички утѣшали:

— Это вамъ счастье, говорили они, что къ вашему отѣзду столько снѣгу навалило. Это ужъ всегда такъ: если къ дорогѣ снѣгъ, такъ, значитъ, къ благополучію. — На другой день едва добрались до чугунки.

Чуть не съ плачемъ сажалъ Атлетовъ своихъ любимцевъ гончурушекъ въ душную клѣтку багажнаго вагона. Удивительно,

какъ скверно помѣщаютъ собакъ на нашихъ чугункахъ. Мнѣ приходилось видѣть, какъ вынимали безъ чувствъ собакъ. А вѣдь деньги берутъ какъ за $1\frac{1}{2}$ человѣка.

— Когда будемъ на Кавказѣ? спрашивалъ Атлетовъ у франта-начальника станціи.

— Послѣ завтра, къ вечеру.

— Ну, не помѣшаны-ли наши помѣщики-охотники? кипятился Атлетовъ. Двое сутокъ маленькаго безпокойства — и я на Кавказѣ! Да мы дневки другой разъ по двое сутокъ дѣлаемъ. Такъ развѣ въ отъѣздѣмъ полѣ, въ курной избѣ, покойнѣе, чѣмъ въ вагонѣ желѣзной дороги, хоть даже въ третьемъ классѣ?!

Ничего не понимавшій начальникъ станціи только глазами хлопалъ.

Въ вагонѣ Атлетовъ чувствовалъ себя превосходно и всѣмъ восхищался. Публика попалась преинтересная: мальчишка принесъ кипу газетъ, бабы таскали яблоки, сѣмьачки, лимоны. Оберъ-кондукторъ премило заталкивалъ безбилетныхъ пассажировъ подъ лавки и сверху огружалъ торчащія ноги узлами и прочей рухлядью. Какія-то сердобольныя барыни сокрушались объ участи сихъ распростертыхъ на полу гражданъ. — «Не безпокойтесь, — обнадеживалъ ихъ оберъ-кондукторъ: они не задохнутся-ся; а вотъ какъ пройдемъ эту станцію, гдѣ насъ ждетъ контролеръ, такъ мы ихъ и выпустимъ. Люди бѣдные-ся, купить билетъ не на-что-ся, а ѣхать надо-ся».

На другой день, въ Воронежѣ, пробудившись отъ сна, пассажиры увидали, что снѣгу почти нѣтъ. На откосахъ насыпей, гдѣ пригрѣвы, виднѣлась зеленехонькая свѣжая травка. Скотина вся въ полѣ. Публика на дебаркадерѣ желѣзной дороги одѣта въ легкія пальто. Въ воздухѣ пахнетъ весной. На приталинкахъ сапогъ вязнетъ въ разбухнувшую землю.

— Ребятишекъ на волю! крикнулъ Атлетовъ нянѣкѣ. — Взлягивайте, малютки; весна пришла!

И вотъ маленькіе Атлетята, пустивши гончихъ, понеслись по саду, ажъ пятки сверкаютъ.

Но прошелъ часъ и 20 минутъ стоянки, и поѣздъ вновь помчался. Отъ Ростова-на-Дону вагоны были почти пусты; пассажиры садятся все съ черными бровями, съ фундаментальными носами, — восточные человѣки, однимъ словомъ. Были и толстѣйшіе, откормленные колонисты-нѣмцы; особенно одинъ изъ нихъ поражалъ своей выкормкой и солидностью манеръ. На одной изъ станцій вскочило нѣсколько ловкихъ, слегка подвыпившихъ ста-

ничниковъ-казаковъ и толстѣйшій изъ колбасниковъ распрогнѣвался на одного изъ нихъ: рядомъ съ нимъ, чистоплотнѣйшимъ, чисто-на-чисто выбритымъ нѣмцемъ, помѣстился казакъ, нечесанный, въ дегтю, но самое главное съ шапкой на затылкѣ и съ выпущенными щетинистыми волосами на глаза. Эти торчащія вихры, съ прошлой Пасхи нечесанныхъ волосъ, окончательно въ судороги бросили нѣмца.

Атлетовъ мастерски стравливалъ ихъ: казаку подмигивалъ, а нѣмцу, на родномъ его діалектѣ, совѣтовалъ не бросать дѣла такъ, а настоять на томъ, чтобы казака выгнали. Нѣмецъ пришелъ въ совершенную ярость и пошелъ жаловаться начальнику станціи. Велико-же было удивленіе нѣмца, когда осанистая фигура Атлетова выступила впередъ, объясняя жандарму, что казакъ держитъ себя прилично и никому дѣла нѣтъ, какъ онъ одѣтъ и какъ причесанъ.

Въ Владикавказѣ Атлетовъ рѣшилъ основать свою резиденцію. На другой-же день, во время найма квартиры, счастье повезло ему. Онъ встрѣтился съ полковникомъ Райскимъ, который былъ членомъ мѣстнаго, довольно многочисленнаго кружка охоты. Вновь пріѣзжаго охотника приняли въ кружокъ радушно. Гончихъ, стѣснявшихъ Атлетова, сейчасъ-же отобрали и прекрасно помѣстили.

— На охоту, на охоту! — торопилъ Атлетовъ, послѣ полутора-мѣсячной лежки опять почувствовавшій твердую почву подъ ногами, вмѣсто глубокихъ волнъ рыхлаго снѣгу. — Съ недѣлю, однако, пришлось подождать, ибо мѣстные охотники, какъ люди большею частью служащіе, могутъ посвящать охотѣ только праздники.

Но вотъ пришла и суббота. Полковникъ извѣстилъ Атлетова, что послѣ обѣда надо отправляться на ночевую въ станцію Сунжу; а утромъ полѣземъ на Угольную балку.

Въ три часа назначенъ былъ сборъ у доктора Перунова. Пара сытыхъ лошадокъ доктора стояла запряженная въ оригинальный экипажъ, специально изобрѣтенный охотниками. Представьте себѣ длинныя дроги, поставленныя на чрезвычайно широкій ходъ. Двѣ слегѣ выдаются аршина на 2 сзади заднихъ колесъ; въ концахъ онѣ скрѣплены поперечиной, къ которой и привязываются гончія. Такимъ образомъ, собаки никогда не могутъ попасть подъ колеса. Въ серединѣ дрогъ укрѣпленъ широкій ящикъ, въ который помѣстили до тридцати ружей. Сзади, въ закрытомъ помѣщеніи, разложили болѣе мелкія вещи: патро-

ны, револьверы, сумки съ провизіей и проч. Поверхъ всего видѣлись бурки, полушубки и другая одежда.

— Ну, а хозяева всего этого имущества гдѣ-же расположатся?—спросилъ удивленный Атлетовъ.

— Садитесь, садитесь, гостепріимно указывали ему на очень уютное мѣстечко въ уголкѣ экипажа.

— Да вы-то, господа, какъ-же?

— Далеко-ли тутъ? Какихъ-нибудь 12—15 верстъ!

Диву дался тучный саратовецъ и полѣзъ на дроги.

Бодро, весело зашагали остальные; да какъ зашагали! лошади почти все время вынуждены были идти тротцемъ. Многіе даже не помѣстили ружей въ экипажъ—несли ихъ на себѣ. Почти всѣ ружья были Пибоди и Берданки, и только четвертую часть всего количества составляли штуцера, а гладкоствольное было одно—и то у саратовца.

По дорогѣ пришлось переѣзжать чрезвычайно быструю рѣчку Камбелеевку, близъ станицы того-же наименованія. Несмотря на порядочный морозъ, рѣка, благодаря страшной быстринѣ, и не думала, конечно, замерзать. Дико было Атлетову слушать ревъ воды зимой, когда въ Россіи стоятъ декабрьскіе морозы. Со смѣхомъ и гикомъ перебѣжали рѣку пѣшіе охотники. Всѣ были въ длинныхъ кожаныхъ сапогахъ и рѣчка ихъ не напугала.

Впереди вскорѣ замелькали огоньки Сунженской станицы. Лошади остановились возлѣ бѣлой-разбѣлой избы казака-охотника Линькова. Настежъ распахнулись двери, и радушные хозяева тотчасъ-же захопотали около самовара чудовищныхъ размѣровъ. Кругомъ всей избы разставлены были скамейки, что дало возможность свободно размѣститься всей компаніи. Чай подавали въ мисочкахъ, свободно могшихъ вмѣстить чашекъ по 8 каждая. Но вотъ что значить моціонъ! — Нѣкоторые господа опрокидывали мисочки по двѣ, по три китайскаго напитка. Послѣ чаю устроилась стуколка и стукали часовъ до двухъ, въ перемежку съ болтовней, шутками и охотничьими спорами. Старуха лѣтъ 80-ти слѣзла съ полатей и долго участливо смотрѣла на насъ, потомъ, вздохнувъ, спросила ближайшаго къ ней охотника: «своей волей, что-ли, батюшка, идете на звѣрья, али начальство выгнало?»

Руководитель охоты, рекомендовавшій ѣхать въ Сунжу, обстоятельно спрашивалъ мѣстныхъ казаковъ, гдѣ завтра «гаить» (т. е. набрасывать гончихъ, въ переводѣ на російскій языкъ),

кого послать въ гай, т. е. съ гончими, и гдѣ становиться пересадѣ. Пересадой называется линія, по которой размѣщены стрѣлки. Гайцики должны быть люди хорошо знающіе мѣстность и всякія крѣпи и извилины балокъ.

— Перезабылъ я всѣхъ здѣсь, давно вѣдь тутъ не былъ,—лѣтъ 12...—говорилъ нашъ руководитель. — Помнишь, бабушка, какъ послѣдній разъ былъ я у васъ на охотѣ?

— Какъ, батюшка, не помнить, прошамкала старуха,—еще на посидки ваша милость ходила къ Дунькѣ!

— Эге! Такъ вы вотъ какъ? Къ Дунькѣ! закричали ему со всѣхъ сторонъ.

— Давно ужъ это было, господа... нисколько не смущаясь отвѣчалъ онъ.

Начали стлать намъ постели: пришлось улечься въ три ряда. Къ третьимъ пѣтухамъ всѣ заснули.

Еще не разсвѣтало однако, какъ многіе стали потягиваться, покрикивать на товарищей:—«Опоздаемъ, господа, вѣдь день нынче коротенькій, а подъемъ великъ».—Хозяева уже хлопотали около самовара. Гончія нетерпѣливо выли на дворѣ. Какой тутъ сонъ!

Торопливо начались сборы: кто протиралъ ружье, отпотѣвшее послѣ вчерашняго мороза въ избѣ, кто дѣлился порохомъ съ товарищемъ, кто пристегивалъ кинжалъ. Кинжалы на Кавказѣ не такіе, какъ въ Россіи: менѣе аршина ни у кого не увидишь клинка.

— Что это за сабли?—смѣялся Атлетовъ.

— Нельзя, батюшка,—не за зайками мы охотимся: полѣзетъ кабанъ или медвѣдь—есть чѣмъ размахнуться, есть чѣмъ лапу отрубить, если, напримѣръ, укроешься на дерево, а онъ за тобой. Ружье брошено, съ ружьемъ на чипаръ не влѣзешь... одно спасенье—кинжалъ... Трахъ по лапѣ ему—причесывать-то и нечѣмъ будетъ!... На трехъ лапахъ въ пору только благополучно спуститься... А тутъ и револьверу работа будетъ, а тамъ и товарищи поддержать... Стоимъ недалеко другъ отъ дружки—не выдадимъ.

Наскоро выпивъ по стакану чаю и забравъ гончихъ, въ полномъ мракѣ выбралась вся компанія изъ станицы. Верстъ пять пришлось идти по равнинѣ; наконецъ начался подъемъ. Справа и слѣва начали показываться балочки.

— Какія это балочки? изумился саратовецъ:—это пропасти! Это овраги страшные!... Это преисподняя!

— Цвѣточки, цвѣточки, батюшка! успокоивали его.

Онъ бодро несъ еще свою 6-ти пудовую тушу и ни на шагъ не отставалъ отъ группы охотниковъ. Но вотъ подъемъ сталъ дѣлаться круче и круче, поросль кустарника гуще и гуще. Мѣстами приходилось почти ползкомъ пролѣзать подъ свившимся и перепутавшимися чепыжникомъ. Часто... Наконецъ, начали попадаться такія скалы, что подняться можно было только крѣпко ухватившись руками за кустарники.

Степнякъ началъ пыхтѣть.

— Верблюды здоровы!—ворчалъ онъ.—Хоть-бы они отдохнули!... Ни одинъ вѣдь и не присядеть!...

— Что, голубчикъ, трудно?—участливо спрашивалъ его 60-ти лѣтній полковникъ Райскій.

— Да отчего-же вы, господа, не отдохнете? стоналъ Атлетовъ.

— А оттого, что мы несемъ на себѣ ружья, патроны, провизію, валенки на поясѣ и сѣно въ башлыкахъ, чтобы было что подъ ноги подбросить, а вы все это сдали казаку.

— Будетъ вамъ смѣяться, полковникъ!... Ей-Богу-же я сейчасъ околѣю!... У меня въ глазахъ потемнѣло.

— Это ничего:—пріучитесь...

Но утѣшеніе не утѣшало. Атлетовъ шелъ уже машинально, какъ автоматъ; руки и ноги ломило; при малѣйшей остановкѣ начало его изъ стороны въ сторону... А остановиться отдохнуть нельзя,—отстанешь... Казакъ-же съ его ружьемъ идетъ чуть не первымъ номеромъ въ далеко рястанувшейся 30-ти головой компаніи. Въ глухой мѣстности, гдѣ на каждомъ шагѣ виднѣлись отпечатки медвѣжьихъ и кабаньихъ ножекъ, внушительной величины, поневолѣ станешь держать ухо востро..

Но свѣтъ не безъ добрыхъ людей вообще, а на Кавказѣ должно-быть въ особенности.

— Берите-ка гончихъ,—сказалъ руководитель Атлетову.—Да не такъ, не въ руки, а къ кушаку прицѣпите мертвой петлей... Вотъ вамъ два смычка самыхъ азартныхъ; посмотрите, какъ онѣ васъ потащатъ...

Дѣйствительно, — половина горя съ плечъ долой... Рослая, жадная гончія извивалась кольцомъ и, налегши всей грудью, припавъ щипцами къ тропѣ, тянули всей силой, такъ что едва можно было поспѣвать за ними, и идти было вдвое легче. На Кавказѣ нѣтъ стай гончихъ: доѣзжающему немислимо править стаей, ибо ни одна лошадь не въ состояніи прыгать съ утесовъ. Мѣстные псаріи, т. е. гайщики, набросивъ гончихъ, идутъ шаг-

комъ, изрѣдка покрикивая и отстають отъ гончихъ на версту, а иногда и болѣе. Вслѣдствіе всего этого гончія вольничаютъ и ихъ не стѣзжаютъ вовсе, такъ что отъ самаго дома надо держать ихъ не только сомкнутыми, но и привязанными, иначе онѣ уйдутъ, куда имъ хочется, и оставятъ васъ въ одиночествѣ.

Наконецъ дошли до самаго мѣста охоты. То была вершина громадной горы.

Одинъ изъ самыхъ опытныхъ охотниковъ началъ разставлять пересаду, т. е. цѣпь охотниковъ. Для саратовца все казалось новымъ и «ерундистымъ», какъ онъ выражался. Начнемъ съ того, что разстояние между стрѣлками бралось совершенно произвольное. Одну пару, напр., поставятъ почти въ 10 шагахъ другъ отъ друга, другихъ разставляютъ шаговъ на 300, если не больше,

— Что это вы дѣлаете, господа?! вопіялъ Атлетовъ:— да тутъ цѣлое стадо звѣрей развернутымъ фронтомъ пройдетъ. Развѣ-же можно на такія дистанціи разстанавливать?! Посмотрите, напр., какое чудное мѣсто вы пропустили. Громадная площадь предъ глазами! Прелесть!

— Становитесь на этой прелести,—любезно предложилъ полковникъ Райскій,—никто вамъ не помѣшаетъ; но, если хотите, пройдемте осмотрѣть пристальнѣй облюбованное вами мѣстечко.— Откуда вы должны ждать звѣря? Спереди?—Пойдемъ-же впередъ.

И онъ повелъ новичка. Пройдя не болѣе ста шаговъ, пришлось сразу остановиться. Прямо передъ ногами былъ отвѣсный обрывъ саженъ въ тридцать вышины.

— Ну, чего-бы вы дождались, батенька, стоя передъ забракованнымъ мѣстомъ? Тутъ, кромѣ птицы, ни одна тварь земная не можетъ взобраться... Теперь, пока еще нѣтъ сигнала къ началу гона, мы успѣемъ сходить къ любому мѣсту, гдѣ разставлены стрѣлки.

Они вернулись сперва назадъ, а потомъ пошли сзади линіи стрѣлковъ.

— Ну вотъ, видите, гдѣ стоитъ Тузиловъ? Пойдемте, посмотримъ его номеръ.

Тузиловъ, не понявъ причину, почему лѣзутъ на его номеръ, тихо свиснулъ: «дескать—мое мѣсто, идите дальше». Но полковникъ разъяснилъ, въ чемъ дѣло, и получилъ пропускъ. Предъ глазами была точь-въ-точь такая-же поляна, какъ та, про которую сейчасъ говорилось. Но не доходя шаговъ 150 до берега обрыва, начинался спускъ, который шелъ узкимъ ущельемъ. Здѣсь слѣдовъ было такъ много, что отъ нихъ образовались тропы.

Атлетовъ стоялъ, какъ очарованный.—Да! это были ворота! Черезъ нихъ, и только черезъ нихъ, могъ пройти звѣрь, если только вздумаетъ перебраться изъ одной балки въ другую, или если его заставятъ насильно спастись отъ собакъ и загонщиковъ.

— Такой-же спускъ имѣется и противъ каждаго номера, и туземецъ хорошо знаетъ эти мѣста, а потому распредѣляетъ номера не по циркулю, а по лазамъ.

Атлетовъ расположился съ своимъ казакомъ-оруженосцемъ за стволомъ гигантскаго чинара и замеръ на мѣстѣ въ картинной позѣ охотника, ждущаго звѣря: ружье на-готовѣ, курки взведены, палецъ на спускѣ, шапка на затылкѣ, однимъ словомъ—ушки на макушкѣ... До упоенія отрадно было вспотѣвшему толстяку остановиться и отдохнуть.

Но наслаждаться пришлось недолго. Вѣтеръ быстро свѣжѣлъ, свободно разгуливая на вершинѣ горы. Мокрая шубейка стала остывать и смерзаться, ноги стали зябнуть; пальцы отъ соприкосновенія съ желѣзомъ окоченѣли; зубы защелкали, какъ кастаньеты... Бѣда! Картинную позу пришлось отбросить въ сторону и началась пляска.

Казакъ, сопровождавшій Атлетова, одѣтый въ рваную черкеску, долго ухмылялся, смотря на танецъ своего сосѣда; наконецъ, должно быть, сжалился. Приставивъ ружье къ чинару, онъ спустился въ балку, противоположную той, откуда должны были гнать звѣря. Скоро послышался легкій трескъ ломаемыхъ сучьевъ, и не прошло 10-ти минутъ, какъ окоченѣвшіе охотники обогрѣвались у костра.

Жаръ былъ такъ силенъ, что можно было снять охотничью шубейку и обсушить её. Костеръ имѣлъ видъ подковы, открытая сторона которой была обращена противъ вѣтра; дымъ по этому въ глаза не лѣзъ. А жаръ былъ сильный и, главное, со всѣхъ сторонъ охватывалъ промерзшіе члены. Сигнала все еще не было слышно, и потому казакъ вынулъ изъ лубяного ящика, длинными и тонкими ломтями наръзанное мясо и, нанизавъ ломтики на желѣзный шомполъ, началъ жарить на угляхъ. Очень вкуснымъ блюдомъ показалось это кушанье послѣ такого моціона.

Между тѣмъ гайщики, т. е. загонщики, обошли противоположную балку и подали сигналъ къ началу гона. Въ Россіи, гдѣ есть сплошные большіе лѣса, охотники на звѣря и носа не кажутъ туда. Немыслимымъ, невозможнымъ кажется бросить гончихъ въ такія дебри, гдѣ нельзя ни доѣзжаему работать съ гончими, ни ружейникамъ размѣститься... подавай намъ непременно

отъемныя мѣста, «острова». На Кавказѣ не боятся сплошныхъ лѣсовъ, потому что тамъ нѣтъ отъемныхъ мѣстъ, а лѣса и скалы тянутся на сотни верстъ.

Самое наглядное сравненіе, которое можно сдѣлать для уясненія способа кавказской охоты на звѣря — это если сопоставимъ расположеніе ружейниковъ и гайщиковъ съ картиной рыбной ловли. Въ числѣ многихъ способовъ рыбной ловли приходилось замѣтить слѣдующій: рыбаки, изслѣдовавъ рѣку, разыскиваютъ такое мѣстечко, гдѣ русло уже, протягиваютъ въ этомъ мѣстѣ сѣть, привязываютъ её туго къ кольямъ, вбитымъ въ берега, натягиваютъ и, отойдя сажень на сто вверхъ по теченію, перекидываютъ веревку съ одного берега на другой и, тихонько подвигаясь, ботають по водѣ этой веревкой и, кромѣ того, кидаютъ въ воду камня. Рыба бросается отъ шумящихъ людей и втыкается въ разставленную сѣть. Тоже самое мы видимъ и въ охотѣ на звѣря на Кавказѣ. Какъ-бы ни были необъятны лѣса, но если, при достаточномъ количествѣ ружейниковъ, мы умѣючи размѣстимъ гайщиковъ, воспользовавшись знаніемъ мѣстности, то гончія будутъ работать, какъ въ садкѣ.

По сигналу къ началу охоты, всѣ номера кинулись на мѣста и замерли. Спереди слышались протяжныя покрикиванья загонщиковъ. Отдѣльные голоса слышались весьма далекими другъ отъ друга, но общее впечатлѣніе производилось такое, какъ будто спереди подвигается длинная линія кого-то преслѣдующихъ людей. Веревка была закинута. Выкрикиванья были протяжныя, заунывные, что-то въ родѣ «слу-у-у-ш-а-й» добраго стараго времени.

Итакъ: спереди цѣнь перекликающихся враговъ, съ фланговъ неприступныя скалы. Одно спасеніе: или стремглавъ броситься по излюбленнымъ проходамъ и тропинкамъ, или запасть въ одну изъ безчисленныхъ пещеръ и корней гигантскаго бурелома. Болѣе робкіе звѣри, какъ: олени, лани, козы, зайцы и др., надѣются на свои ноги, сильные-же и смѣлые — на оборонительный способъ дѣйствія и западаютъ. Дѣйствительно, самый зоркій глазъ не можетъ открыть звѣря въ этихъ трущобахъ. Но гончихъ не проведешь... Не прошло и двухъ минутъ съ начала сигнала, какъ гончія залились по зрячему.

Послышались выстрѣлы на пересадѣ, и передъ Атлетовымъ послышался какой-то шорохъ: прыжокъ съ очень высокаго камня, странный звукъ легкихъ ножекъ объ плиту утеса, и стройный козель, приподнявъ красивую голову, замеръ, какъ изваянный...

Пропустилъ степнякъ удобный моментъ выстрѣла, да и какъ было не пропустить, когда человѣкъ отродясь не видѣлъ такого красавца?!... Скрылось видѣніе, но раздавшійся выстрѣлъ на сѣднемъ померѣ и жалобный стонъ оповѣстили печальный конецъ жизни горнаго красавца.

Долго еще продолжался гонъ разгоряченной стаи, но козловъ убито больше не было. Раздался сигналъ къ привалу и вызову гончихъ, прорвавшихся за линію стрѣлковъ. Здѣсь пришлось пожалѣть о невозможности сопровождать стаю коннымъ псарямъ. Вызовъ продолжался ужасно долго. Можно-бы сдѣлать два-три наброса или, по кавказски, гая, если-бы только гончія были позывисты. Но разбойники хорошо понимаютъ, что разъ смычки сняты—они вольные казаки и никто ихъ приструнить не можетъ. Кромѣ того, охота происходитъ рѣдко, кормежка отличная и собаки не нарадуются свободѣ—расправить ножки. Къ этому еще надо добавить, что собаки всегда проводятъ время въ запертомъ помѣщеніи, и объ проводкахъ на Кавказѣ совѣмъ не слыхали.

Наконецъ-то голодъ взялъ верхъ надъ страстью и собаки стали понемногу подваливать. Стали подходить и охотники.

Атлетовъ былъ на 7-мъ небѣ, услыхавъ отъ подходившихъ охотниковъ восторженные отзывы объ работѣ своихъ собакъ. Онъ и самъ отлично распознавалъ высокій сопрано своего «Докучая» и теноровыя ноты «Докуки», но какъ-то своимъ ушамъ не вѣрилось:—больно ужъ его напугали, что будто російскія гончія не могутъ работать на Кавказѣ.

Стали подходить и гайщики. Одного только Стѣпанэ не было видно. Стѣпанэ—плотный и широкоплечій грузинъ, атлетическаго сложенія. Главное, что приковывало каждого къ его фигурѣ, это громадные глаза, необыкновенно выпуклые и весьма подвижные. Онъ не всталъ въ пересадъ въ числѣ другихъ стрѣлковъ, а пошелъ въ гай. Атлетовъ диву дался. Да и въ самомъ дѣлѣ: послѣ столь труднаго подвига вдругъ человѣкъ независимый, прекрасно вооруженный, идетъ добровольно въ гай играть пассивную роль гайщика и, не отдохнувъ ни минуты, начинаетъ кувыраться съ балки на балку.

Вотъ подвалила послѣдняя выжловка, отдохнули вытянувшіеся на буркахъ гайщики, а Стѣпанэ нѣтъ какъ нѣтъ. Начали трубить сразу въ нѣсколько рожковъ—результатъ все тотъ-же. Многіе начали беспокоиться, не наскочилъ-ли онъ на «единца» *), по-

*) Кабанъ старый, бросившій жизнь въ стадѣ и бродящій особнякомъ.

тому что слышны были выстрѣлы съ той стороны, гдѣ онъ долженъ былъ проходить. Подумавъ, рѣшили послать на развѣдки. Отрядили самыхъ смѣлыхъ и знающихъ мѣстность охотниковъ, а сами усѣлись и начали неистово трубить.

Правда говорится, что ни городъ, то наровъ, что ни деревня, то обычай. Послѣ мелодичныхъ позывовъ Россіи на Кавказѣ пришлось Атлетову услышать какой-то рѣвъ коровы. Ну, право-же ни съ чѣмъ другимъ нельзя сравнить тѣ взыванья, которыя извлекаютъ мѣстные Немроды.

Но гдѣ-же въ самомъ дѣлѣ Стѣпанѣ, гдѣ этотъ опытный звѣроловъ?! Отойдя шаговъ 200 отъ того мѣста, гдѣ начался «гай», Стѣпанѣ попалъ на узенькую тропинку, еле-еле лѣпившуюся по крутому склону горы. Направо обрывъ, налѣво отвѣсная скала; свернуть съ этой тропинки некуда, можно только вернуться, но вернуться, конечно, не хочется, и вѣтъ онъ идетъ, идетъ и идетъ. Наконецъ передъ нимъ открылась площадка. Ну, наконецъ-то путь расширился—думаетъ онъ.—Но. увы! площадку со всѣхъ сторонъ окружали отвѣсныя скалы. На одной изъ скалъ виднѣлся выступъ на высотѣ двухъ аршинъ. Только что огорченный Стѣпанѣ хотѣлъ вернуться, какъ передъ нимъ подъ выступомъ раздалось глухое рычанье, и громадная голова медвѣдя показалась изъ берлоги. Съ быстротой кошки вскарабкался отважный охотникъ на выступъ и оттуда сталъ нажидать звѣря. Медвѣдь потянулся, заурчалъ и вылѣзъ наружу. Разрывная пуля, пробивъ черепъ, положила медвѣдя на мѣстѣ. Но барахтаясь въ предсмертныхъ судорогахъ, онъ докатился до края пропасти и «ухнулъ» туда.

Дѣлать нечего—пришлось возвращаться назадъ и искать спуска. Зарядивъ двустолку, въ томъ счастливо побѣдномъ настроеніи духа, который понятенъ охотнику,—Стѣпанѣ побрелъ посвистывая назадъ. Внимательно всматривался онъ въ каждую извилину утеса—разыскивая мѣсто для спуска въ балку. Наконецъ попала такого рода излучинка, по которой если и нельзя было сойти, то можно было скатиться, придерживаясь за кусты. Только что онъ хотѣлъ закинуть ружье за спину, какъ вдругъ ему послышался шумъ отъ сломавшейся вѣтки. Моментально схвативъ ружье и взведя курокъ, онъ оглянулся и обмеръ на мѣстѣ: по его слѣдамъ шли три медвѣдя; передній былъ громадныхъ размѣровъ и видимо «скрадывалъ» его; двое сзади шедшихъ были пѣстуны. Какъ ни неровень казался бой, однако и отступление было тоже немисливо. То обстоятельство, на которое за секун-

ду ворчалъ Стѣпанѣ, т. е. узкость тропинки и невозможность спуститься внизъ или подняться вверхъ, — теперь было единственнымъ якоремъ спасенія. Это обстоятельство давало возможность имѣть дѣло поочередно съ каждымъ изъ враговъ. Упавъ на колѣни, для того, чтобъ имѣть довольно быстро катившагося звѣря на линіи прицѣла, Стѣпанѣ спустилъ курокъ въ то время, когда медвѣдь былъ отъ него не болѣе, какъ въ 5-ти шагахъ...

Какими наградами нужно осыпать того благодѣтеля рода человѣческаго, который изобрѣлъ разрывныя пули? Поразительнъ эффектъ этого снаряда!...— Медвѣдь легъ, какъ громомъ пораженный. Пуля пришла, какъ оказалось впослѣдствіи, въ грудь между двухъ лопатокъ и куски ея нашли разсыпанными по всѣмъ внутренностямъ. Разрушительное дѣйствіе каждаго изъ нихъ было громадно. Мнѣ скажутъ на это, что вѣдь и простой пулей по убойному мѣсту можно шута свалить медвѣдя; то надо знать, при какихъ условіяхъ всегда стрѣляютъ по медвѣдю. Всякій, кто бывалъ на этого рода охотахъ, знаетъ, что дальше какъ на 12—15 шаговъ стрѣлять не слѣдуетъ. Согласитесь, что на такой короткой дистанціи выстрѣлъ не только долженъ быть мѣтокъ, но думаю, что не ошибусь, если скажу, что онъ долженъ быть и счастливъ. Кто знаетъ необыкновенную живучесть медвѣдя, тотъ навѣрное согласится со мной. Поясню нѣсколькими примѣрами: звѣрь идетъ поперекъ. Вы мѣтите подъ переднюю лопатку, такъ пуля и проходить. Но сколько случаевъ, что звѣрь уходитъ, раненый въ переднюю лопатку. Я не докторъ, я не могу разъяснить опредѣленно, точно, при какихъ условіяхъ слѣдуетъ моментальная смерть. Я только констатирую тотъ фактъ, что у животнаго міра нѣтъ такой нашивки, какъ у богатыря Зигфрида, обозначавшей его Ахилесову пятую. Сколько разъ приходится видѣть птицу съ прострѣленнымъ черепомъ, откуда виднѣется мозгъ, а она, бѣдняжка, все еще живетъ и, если не летитъ, то бѣжитъ, плыветъ и, если-бы не вѣрный другъ и помощникъ—пѣсъ, то не попасть-бы птичкѣ въ ягдташъ охотника.

Извиняюсь за отступленіе.

Послѣдніе два медвѣдя остановились и обнюхивали своего покойнаго товарища. Стѣпанѣ заряжалъ ружье. Вложивъ патронъ и взведя курокъ, онъ продолжалъ стоять на колѣняхъ и быстро соображалъ, который изъ двухъ болѣе достоинъ его милостиваго вниманія. Наконецъ грянулъ выстрѣлъ; одинъ медвѣдь покатился кубаремъ въ балку, другой счелъ за лучшее предаться постыдному бѣгству.

— Дорогие собраты по охотѣ! Да не подумаетъ кто-либо, что этотъ разсказъ есть плодъ досужей фантазіи. Нѣтъ, около 30 интеллигентныхъ свидѣтелей могутъ подтвердить вамъ правдивость моего разсказа. И не будь этихъ многочисленныхъ свидѣтелей, я-бы постѣснился передавать только что приведенный разсказъ. Но живы и здоровы всѣ свидѣтели вышеописаннаго и всегда могутъ увѣрить того Оому невѣрующаго, который съ сомнѣніемъ покачаетъ головой, прочтя этотъ разсказъ.

Всей гурьбой отправились охотники на мѣсто необыкновеннаго происшествія. Стѣпанѣ, поджавъ ноги и засучивъ рукава на мускулистыхъ рукахъ, снималъ шкуру съ третьяго медвѣдя. Два другихъ были уже освѣжестваны и лежали, протянувъ ноги кверху. Общими силами подтанули туши къ деревьямъ и, шумно поздравивъ героя, усѣлись раздувать костеръ. Козу нарѣзали на мелкіе кусочки и начали жарить шашлыкъ, появилось въ бурдюкахъ кахетинское, водка, и начался пиръ горой.

Не могу не сказать нѣсколько словъ о знаменитомъ кахетинскомъ винѣ. Приѣхавъ изъ Россіи, гдѣ провелъ всю жизнь и пробавлялся всегда иностранными винами, я пораженъ былъ прелестью и дешевизною мѣстнаго вина. Помню, остановился я въ гостиницѣ Лондонъ. Проголодался жестоко и велѣлъ поскорѣй дать обѣдъ и бутылку хорошаго вина. Накрыли столъ въ общей комнатѣ. Прихожу. На столѣ красуется въ шампанской бутылкѣ янтарно-свѣтлое вино: золотой ярлыкъ обвиваетъ горлышко и гласитъ, что сіе вино принадлежит погребу Татужева и Яралова. Вино оказалось великолѣпное. Это не та мѣшанина, это не то «питье», которымъ насъ пичкаютъ въ Россіи и увѣряютъ, что это вино. Нѣтъ—я пилъ въ первый разъ въ жизни цѣльный виноградный сокъ. Это было что-то и сладкое и вязущее и удивительно ароматическое. Скоро подыскалъ я себѣ квартирку—на другой-же день. Вотъ приносятъ мнѣ счетъ. Первое, на что обращаю вниманіе—это вино. Ну, думаю, сколько-то сдерутъ за вино. Вижу цифра 4, дальше нуль или два не разберешь—ну, ясно 4 р. значитъ. Что-же, думаю, вино великолѣпное, бутылка такъ называемая «двойная», опять-же гостиница. Отдаю деньги. Приносятъ мальчикъ сдачи, считаю выходитъ 3 р. 60 к. лишнихъ. «Это что такое? много же вы наторгуете, если по столько будете обсчитывать себя». Возвращаю счетъ и говорю мальчику: «ступай, вели провѣрить». Обиженный хозяинъ, вообразивъ, что я считаю себя обсчитаннымъ, пришелъ ко мнѣ самъ и говорить:

«помилуйте, все вѣрно—обѣдъ столько-то, водка столько-то, вино 40 к., вѣдь счетъ былъ-же у васъ въ рукахъ.

— Какъ вы говорите—вино 40 коп.?

— А какъ-же, оно въ подвалѣ стоитъ 40, и мы отдаемъ за 40; пользуемся только оптовой скидкой!—Картина!...

Какимъ-же образомъ въ Россіи не видать этого вина? Правда, въ Петербургѣ въ ресторанѣ Бореля безпрестанно слышишь: «Кружку кавказскаго вина!» Но это не кавказское, какъ я теперь навѣрное узналъ, а крымское, но его почему-то называютъ кавказскимъ. Умъ человѣческій отказывается понять, какимъ образомъ великолѣпное вино кавказское, баснословно дешевое, не имѣетъ сбыта въ Россіи. А вѣдь Кавказъ соединенъ желѣзной дорогой съ Россіей.—Долго я восклицалъ подобнымъ образомъ и утомлялъ вниманіе новыхъ знакомыхъ, пока, наконецъ, одинъ акцизный чиновникъ, близко знакомый съ положеніемъ дѣла, не утѣшилъ меня. «Успокойтесь,—сказалъ онъ мнѣ: «вся Россія пьетъ кавказское вино, но только вино это попадаетъ въ Россію, сдѣлавъ маленькій крюкъ. Почти все лучшее вино въ Сигнахѣ, центрѣ торговли кахетинскимъ виномъ, продается оптовымъ торговцамъ. Вино отправляютъ за границу. Тамъ его сортируютъ, разбавивъ по извѣстному рецепту, и отправляютъ въ Россію уже по два, по 3 р. и выше за бутылку. Вотъ напр., рецептъ портвейна: 2 столовыхъ ложки бѣлаго кавказскаго вина, 2 стакана воды, ложка жженого сахара, $\frac{1}{4}$ стакана глицерину и $\frac{1}{4}$ стак. спирту».

— Посмотри, mon cher! какой я портвейнъ вчера получилъ отъ Елисѣева,—угощаетъ радушный помѣщикъ своего сосѣда:—Великолѣпіе! Маслянисть, ароматиченъ, пикантность какая, а цвѣтъ, цвѣтъ! И вообрази, всего 2 р. 50 к. взялъ. Но понимаешь-ли, я у него давно беру и опять-же вѣдь ящикомъ. А то это я тебѣ скажу—вчера я угощалъ нашего Аплечеева, такъ онъ прямо говорить, что это 4 р. бутылка.

— Еще-бы! спѣшить поддакнуть сосѣдъ,—вѣдь это именно «цѣльное вино».

II.

— Поѣдемте на початки, пригласилъ Атлетова въ концѣ Августа, старый, старый поручикъ Ревазовъ, весь увѣшанный крестами и медалями.

— Это что-же за звѣрь такой початки?

Початками, тихо, точно заговорщикъ, началъ поручикъ,—назы-

вають плодъ кукурузы. Когда она имѣеть вкусъ не жесткій, а еще мягкій и молочный, тогда ее ужасно любить медвѣдь. Онъ ходить лакомиться ежедневно по ночамъ и со всей семьей. Я розыскалъ тропу, по которой вся фамилія еженочно отправляется на заработки. Да вотъ все луны не было, а теперь можно идти,—свѣтло.

Атлетовъ вскочилъ, закипѣли сборы, и въ ту-же ночь отправились.

Чудныя ночи на Кавказѣ, особенно когда свѣтитъ луна! Чтобы дать сразу вѣрное понятіе дорогимъ землякамъ русскимъ объ прелести кавказскихъ ночей, я буду просить припомнить ночь въ Россіи во время крещенскихъ морозовъ. Та-же тишина, тотъ-же блескъ луны и мерцаніе мириадовъ звѣздъ, но съ той лишь разницей, что въ Россіи въ это время надо быть закутаннымъ въ пудовой тулупъ, а здѣсь можно идти накинувъ на плечи 6-ти фунтовую бурку.

Изъ дому вышли ровно въ 12 часовъ ночи. Тишина была мертвая. Городъ спалъ. И въ этой тишинѣ величественно раздавался ревъ Терека. Терекъ не всегда слышенъ. Если въ ущельяхъ, по которымъ стремглавъ мчатъ онъ свои волны, бушуетъ непогода—то вой и свистъ бури не даетъ спокойно доноситься звукамъ волнъ и господствующій сѣверный вѣтеръ увлекаетъ отъ насъ дальше и дальше дорогіе звуки. Но если въ горахъ тишина или, что еще лучше, подуваетъ южный вѣтерокъ, тогда весь шумъ и ревъ, который производитъ могучая рѣка, несаясь на стоверстномъ протяженіи по громаднымъ камнямъ и волоча ихъ съ собой, какъ щепки,—суммируясь доносится къ нашему городу и производитъ ни съ чѣмъ несравнимую величественную музыку. Никто не хотѣлъ сѣсть на дроги. Каждому хотѣлось проматься и насмотрѣться вдоволь на Казбекъ. Какъ невѣста къ вѣнцу, убранъ и украшенъ стоитъ красавецъ великанъ. «Голова», накрыта ослѣпительно-бѣлымъ покрываломъ, а по могучему стану разсыпаны цвѣты и зелень, зелень, зелень. Легко шлось въ такую погодку и при такой обстановкѣ. Казбекъ какъ-бы манилъ къ себѣ,—мало того, казалось онъ придвигался самъ, шелъ самъ на встрѣчу къ привѣтствовавшимъ его и восторгавшимся поклонникамъ. Незамѣтно пролетѣло время и всѣ, не выключая и тучнаго саратовца, удивились и не вѣрили пространству въ 12 верстъ, отмѣренному ими отъ городу.

— Вотъ и початки, промолвилъ Ревазовъ.—А вотъ и трона, по которой повадилась ходить Мишкина семья. Вотъ гдѣ они закончили кормежку. Вотъ початки, которые они должны ѣсть

нынче ночью. Ну, господа, кто труситъ—полѣзай на дерево, а кто хочетъ со мной на землѣ ждать, тотъ разстилай бурку и кушъ!...

Тихо, тихо разложивъ около себя оружіе, размѣстились по обѣимъ сторонамъ тропы охотники и стали ждать гостей. Всякіе разговоры были запрещены, куреніе тоже. Тишина воцарилась мертвая. Часа 2. пришлось пролежать безъ всякаго результата. Но вотъ хрустнула вѣтка гдѣ-то далеко въ лѣсу, кто-то заворчалъ, кто-то точно замыкалъ, зашуршали листья, и настороженному глазу въ тысячѣ мѣстахъ показались медвѣди. На самомъ дѣлѣ ихъ не было видно; они «баловались» далеко, далеко въ лѣсу, но на зорькѣ звуки доносятся на громадныя разстоянія. Опять пришлось успокоиться и выпустить ружья изъ рукъ. Вдругъ прямо передъ глазами выросло нѣсколько фигуръ медвѣдей. Появленіе и при ожиданіи было, по рассказамъ всѣхъ охотниковъ, до того неожиданнымъ, что всѣ какъ-то переполошились и загорячились, не давъ звѣрямъ времени начать свой обѣдъ; открылась пальба, конечно, больше па-угадъ, и только ружье старика поручика осталось неразряженнымъ. Какъ призракъ явились дорогіе гости,—какъ призракъ и исчезли.

— Что-же это вы, господа, надѣлали? Ай! ай! ай!... укоризненно качалъ головой старикъ-охотникъ. И всѣмъ казалось, что, кромѣ гнѣва, и слезы слышались въ его голосѣ.

Много лунныхъ ночей прошло съ тѣхъ поръ, много ночей пропадалъ изъ дома старикъ-поручикъ, много медвѣжьихъ шкуръ висѣло и просушивалось на его дворѣ, но никакія мольбы, никакія слезныя просьбы не могли склонить его, взять съ собою кого-либо изъ злополучныхъ охотниковъ, такъ позорно проводившихъ звѣря.

Григорій Аристовъ.